

The top half of the image shows a highly ornate interior space, likely a church or a grand hall. It features several tall, white columns with intricate carvings. The arches above the columns are also highly decorative, with gold leaf accents and detailed moldings. The walls and ceiling are covered in intricate patterns and designs, creating a rich and textured environment. The lighting is soft, highlighting the architectural details.

Татяна Соколова

**ПОРТРЕТ СЕБЕ
НА ПАМЯТЬ**

Татьяна Николаевна Соколова

Портрет себе на память

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29408960

SelfPub; 2018

Аннотация

Иногда бывает так, что, повинувшись какому-то внутреннему зову, мы несемся в непонятном направлении, бросив все и отменив все планы. Это прекрасный город Одесса – и это не случайность. Солнце и море уходят на задний план, когда открывается её мир, знакомый с детства и совершенно не познанный. Теперь мы обе взрослые и можно говорить обо всем. Она стойкая, непримиримая и часто смешная. Ей есть что сказать нам, бездуховным. Это было ее завещание – как потом оказалось.

Содержание

Встреча	5
Старый двор	23
Мать Тамары	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Иногда бывает так, что, повинувшись какому-то внутреннему зову, мы несемся в непонятном направлении, бросив все дела и планы. Меня никогда не занимала мысль, почему это происходит, я всегда твёрдо знала, что надо идти на этот зов.

Встреча

Междугородный автобус пришёл в Одессу рано утром. Последний раз я говорила с ней по телефону вчера вечером и, конечно, зря согласилась, чтобы она меня встречала на автобусном вокзале. Ей ведь уже много лет, как она доберётся до вокзала? Мы наверняка не найдем друг друга среди суматохи и толчеи. В этом путешествии из Туапсе в Одессу все обстоятельства складывались мне назло: сначала сломался автобус, и мне пришлось изменить маршрут и заночевать в Краснодаре, потом не было билетов. И когда уже после обеда мне, наконец, удалось втиснуться в переполненный Мерседес-Бенц 1965 года выпуска с розовыми занавесочками на окнах и, как выяснилось, – без кондиционера, я стала методично набирать ее домашний номер каждые полчаса. Она сняла трубку поздно вечером, когда мы уже проехали Феодосию. Она все время твердила, что придет рано утром на автовокзал. Она упряма и любит, чтобы последнее слово всегда было за ней. Я давно знаю, что мысли материальны и, естественно, мы не встретились.

Более получаса я металась по полупустому автовокзалу за её тенью, чувствуя, что иду по следу, спрашивала случайных прохожих и дежурных – ни разу мы с ней не оказывались в одном месте в одно и то же время. Когда я ждала на перроне, куда прибыл автобус, она выкрикивала моё имя в здании

вокзала, а когда я покупала телефонную карту, она искала меня в районе кафе; потом я сделала объявление по радио, но поздно, она уже стояла на трамвайной остановке. Водители и уличные торговцы говорили, что да мол, видели: высокая взрослая женщина, чистенько одетая, с красивыми крупными зубами, губы накрашены, ещё и на каблуках.

Её невозможно было не заметить. Мария Израйлевна, как звали её ученики, или Тамара, Мара или Мирьям, как обращались к ней друзья и родственники, всегда выделялась из толпы и не только своей идеальной осанкой и пышной копной черных волос, подхваченных на затылке шпильками. Она была одной из тех женщин, на которых невольно останавливается взгляд. В молодости она мне казалась красавицей: скуластое лицо с большими, немного раскосыми глазами неуловимо меняло свое выражение, когда она слушала музыку или играла сама. Большой рот с немного припухлыми всегда яркими губами и крупные зубы были украшением лица, особенно когда она улыбалась. Нос узкий, если смотреть в фас, утонченный, уравнивающий все черты её лица, – в профиль выступал как горный хребет, свидетельствуя об упрямстве её характера.

Меня особенно поразило, что несколько человек сказали: «чистенько одетая». Я представила старушку в платочке и почему-то дрожь пробежала по телу. На какой-то миг волнение настолько овладело мной (да ещё сказывалась и бессонная ночь), что автобусный вокзал поплыл как мираж, и

я даже не заметила, как с левой руки ко мне пристроился невысокий мужчина в полосатой трикотажной рубашке. Он бормотал мне в ухо:

– Вы её уже здесь не найдете. Она себе совсем ушла. Вам такси надо? Я имею вам такси. Спешите скорее. Двести долларов и такси у вас в кармане.

Цена в двести долларов привела меня в чувство. Я вытаращила на него глаза, но поняв, что он легко не сдастся, резко ответила:

– Вы что, ненормальный?

Мужчина ничуть не смутился и, ухмыльнувшись, ответил, что есть и другое такси за 100 гривен.

– Шестьдесят, – решила я поторговаться, выходя на улицу из здания вокзала, – и ни копейки больше.

На улице было полно машин, бери любую. Но у них тут была своя субординация. Мой спутник махнул рукой, и к нам подкатила новенькая «Мазда» цвета морской волны с открытым багажником. Я сама закинула чемодан в кузов, после чего шофёр одобрительно кивнул мне, приглашая занять место в кабине.

– Будем ехать. А где живёт ваша тётя?

Видно, все уже были в курсе моих проблем.

– Моя учительница живёт на Малой Арнаутской, – ответила я, чеканя слова.

– Малая Арнаутская – это хорошее место, там исторически проживал Илья Файнзильберг со своим Остапом Бенде-

ром. Там бедные люди не живут, – многозначительно пояснил мой водитель.

– Учителя не бывают богатыми, – покосилась я на него, – везите!

Пока мы ехали, он пытался воскресить в своей памяти имена известных личностей, проживавших в разные годы на Малой Арнаутской, а я глазела по сторонам. Одесские улицы казались знакомыми, как будто я их видела в прошлой жизни, ходила по ним и жила тут, где-то рядом, в одном из пятиэтажных каменных домов. Мы спускались все ближе к морю, дома становились поскромнее и пониже. И вдруг я увидела поникшую женщину, сидящую на скамейке перед домом старинной постройки с чёрным ободраным котом на руках.

Я узнала её сразу и велела водителю остановиться, побежала к ней. Она подняла на меня грустные глаза – внезапно её понурая фигура выправилась, на лице засияла улыбка, и, всплеснув руками, она кинулась мне навстречу.

– Наконец-то, ты приехала!

Она не была похожа на старушку – всё такая же статная, правда, немного склоненная вперед, как будто внимательно смотрит под ноги. На ней был свободный сарафан на ляпочках с красными горохами. Мы вошли во двор, здесь она на минуту остановилась и объяснила, как пройти в квартиру, не задев соседский велосипед, привязанный к перилам, а также ящики для хранения овощей в разных концах небольшого вестибюля. Дом был четырёхэтажным, некоторые квартиры

были разделены так, что выход из одной был на парадную лестницу, а из другой на чёрную. На чёрной лестнице на первом этаже и была её квартира.

Я обустроивалась со своими вещами на отведенном мне диване, а возбужденная Тамара глядела на меня с разных ракурсов и периодически восклицала: «Как я рада, девочка моя!» И вдруг она насторожилась и, сделав перед своим носом несколько театральных жестов, как бы закручивая рукой дымок от сигареты, спросила:

– Это что?

– Это пакет с тремя чудными копчёными рыбами, их подарил хозяин, у которого я останавливалась на Кавказе. А как пахнет! – ответила я, подумав про себя, что, наверное, не надо было мне тащить сюда этих рыб.

– Вот именно, пахнет... Нет, это невозможно! – произнесла она, повышая голос, – спрячем их в морозилку, пока не пришёл Матрося. Видишь ли, – вздохнула Тамара, – мне за мои грехи перед предыдущим котом Мурзей, на могиле которого я поклялась, что больше не возьму ни одно животное, достался больной котёнок. Я не смогла его выгнать и с трудом вылечила. Ему нельзя есть рыбу, и я не держу в доме рыбы. А какой мне попался ветеринар, я тебе расскажу о ней.

– Но я думала... – произнесла я нетвердо.

Тамара принесла мне завтрак.

– Не думай, лапка, не надо, кушай творог со сметаной, до-

бавь в творог чёрной смородины и налей себе чая. Мы отдадим рыбу Рае, моей приятельнице, она придёт вечером. А про покойного кота Мурзю я тебе расскажу сейчас. Она устроилась в кресле-качалке напротив меня и с чувством начала.

– Это был необыкновенный кот! Поначалу он не любил, когда я играю на пианино, он начинал выть, но не уходил.

После бессонной ночи, завтрак свежим творогом с ароматной деревенской сметаной сморил меня окончательно. Я пересела на диван и тут же закемарилась под рассказ о том, как Мурзю приобщался к музыкальным занятиям. Очнувшись от внезапного крещендо, переходящего в выразительную кульминацию.

– Ты представляешь! – восторгалась она, – он стал играть на фортепиано, естественно одной лапой, и подолгу слушал гаснущий звук!

– Представляю, – ничуть не колеблясь, ответила я, пытаюсь вспомнить, о чем идет речь. – Этот Кузя?

– Нет же, – раздосадовала Тамара, – бедный Кузя, которого ты видела со мной на скамейке, попал в руки к редкой негодяйке. И бывают же такие люди! Лучше бы они умерли при рождении!

Эти слова заставили меня вздрогнуть, в воздухе на момент повисла неловкость. Как будто невыученный урок и разгневанная Тамара. Какие-то внутренние ощущения из далекого прошлого просочились в её комнату через два окна со

старомодными низкими подоконниками и, погружаясь снова в сон, я почувствовала, что всё здесь связано с пространствами моего детства. Сейчас она как будто все объяснит и, конечно, простит мое невежество.

Когда я проснулась в очередной раз, Тамара, стоя позади своего кресла, как за кафедрой, громко клеймила тех, кто не любит братьев наших меньших: от котов и птиц до микроскопических живых существ. Кивком головы я сразу согласилась с её доводами. Когда я попыталась вспомнить её пламенную речь, из глубины моего сознания пробилась мысль, что Кузя, с которым она встречала меня у дома, персидской породы и ему нужны витамины. Витамины Тамара держала в руке, поясняя при этом, что не нужно спешить, а можно завтра (разумеется, мне) пойти к этой стерве, но со стервой ни в коем случае в разговоры не вступать, а передать витамины для лечения кота Кузи её мужу, который не потерял человеческого достоинства, живя с такой двуличной женщиной, которая всем улыбается, а на самом деле... Мужа ужасной женщины, с которым мне предстояло познакомиться, звали Толик. Время от времени он помогал Тамаре справляться с домашними катаклизмами, происходившими то от электричества, то от газовой колонки АГВ образца семидесятых годов.

Представив, что мне придется совершить такой подвиг, я опять провалилась в сон, как в обморок, и не помню, чтобы кто-нибудь меня беспокоил до самого вечера.

Вечером пришла Рая. Рая была врачом, но она уже не работала, а вела хозяйство в семье дочери. Она была значительно моложе Тамары и опекала её. Слушая рассказ о том, как мы разминулись на автовокзале, Рая кивала и тайком сообщила мне, что это нормальное положение вещей для Тамары. И было бы удивительно, если бы мы встретились. Рыбу Рая унесла.

Мы с Тамарой продолжали сидеть за столом, я попивала чай с зефиром, а Тамара принялась ловить блох у кота. Эта процедура повторялась каждый день, потому что блох у Матроси было много, а химические методы избавления от насекомых, как вредные для здоровья животного, отвергались категорически. Но бывало, что убиение очередной твари доставляло коту неприятности, тогда он оскаливался и мог укусить. Тамара искренне возмущалась и, сбрасывая его с колен, кричала: «Сволочь! Ты мне ещё указывать будешь! Я врукопашную воюю, а он мне тут!..»

В моем детстве и даже в юности мы обе были интеллигентными дамами и грубых слов не произносили, поэтому она сочла необходимым объяснить мне семантические корни слова «сволочь».

– Слово «сволочь», лапка, – сказала она, остановив на мне взгляд, как будто рассказывала про малоизвестного композитора семнадцатого века, – пошло от войны с французами 1812 года. Когда Наполеон терял на полях сражения или при

отступлении людей и лошадей, то наступающей армии Кутузова приходилось заниматься санитарными работами и оттаскивать, волоочь трупы животных. Поэтому свОлочь происходит от сволОчь и означает: мразь, грязь и прочее.

Далее её мысль переключилась на сравнение американцев, англичан и французов, где явно выигрывали французы, как в целом не хищническая нация, причинившая человечеству минимальное количество неприятностей по сравнению с амбициозными и безнравственными англичанами, претендовавшими на мировое господство и не отказавшимися от этой мысли и по сию пору. Включая и ту их часть, которая переселилась в Америку и взяла там курс на подавление малых народов и неумеренное потребление.

Моя реплика о том, что в Америке англичан меньше чем латиноамериканцев или испанцев и, наконец, украинцев и русских, была резко оборвана. Я даже вздрогнула, когда Тамара, увлеченная повествованием, почти прокричала мне:

– А ты молчи и слушай, когда тебе говорят! – и, вздёрнув свои черные густые брови, продолжила, – что за люди? Никакого уважения!

Я решила не проявлять неуважение в первый день приезда и приняла позу покорного слушателя.

К счастью, американцы вызывали у Тамары такое пренебрежительное отношение, что долго разглагольствовать о них она не сочла нужным. Рассказала только, как десять лет тому назад ездила в Америку, точнее в Канаду, в гости к при-

болевшей сестре, где её просто тошнило от отвратительной американской привычки – постоянно что-то жевать и пить на улице.

– Представляешь, – говорила она, – они на ходу едят свои макдональдсы, разевая рты как бегемоты, и запивают их ещё более отвратительной колой.

Эти неэстетичные воспоминания заставили её даже поморщиться, но она быстро справилась с отвращением к жуящим на улице людям и философски закончила обличительную речь.

– Хотя... французы, конечно, тоже хороши.

Я вышла в кухню, являвшую собой довольно жалкое зрелище: чуть больше чем на десяти квадратных метрах, кроме кухни, размещались ещё прихожая с коридором и туалет, отгороженный в углу около входной двери. Окна в кухне не было, поэтому для проветривания входная дверь всегда была приоткрыта, и с лестницы просачивалась прохлада, какая обычно бывает в подъездах старых каменных домов. В узкой части кухни, напротив туалета, на стене была прибита небольшая вешалка – она была пуста, если не считать старого зонтика с массивной ручкой и длинной металлической пикой. К вешалке примыкали две этажерки, заваленные паке-тиками и хозяйственными принадлежностями, на одной из них обычно отдыхал кот. А над этажерками размещалась та самая газовая колонка АГВ, которая должна была нагревать

воду для раковины и душа, находящегося в туалете. Система АГВ доверяя мне не внушала. С первой попытки зажечь её я не смогла, но что самое главное, я не могла понять: почему она располагается на противоположной стене, и каким образом вода поступает в туалет и в водопроводный кран через многочисленные трубы, проложенные по стенам и под потолком. Я быстро приспособилась ополаскивать утром лицо холодной водой из крана, а по вечерам обычно мылась в тазике, поливая из ковшечка. Душем, который находился в туалете, мне не хотелось пользоваться. Да и Тамара между делом успела сообщить, что в течение года она уже имела одиннадцать аварий с системой АГВ.

Завершив водные процедуры, я приготовилась ко сну, расположившись на отведенном мне диване через стол напротив её кресла, натянула на себя толстую домотканую простыню, которую по причине непрекращающейся ни днём ни ночью жары, я собиралась использовать вместо одеяла.

Было уже два часа ночи, а мы всё не спали. Закончив свою программную речь, она, наконец, успокоилась и внимательно глядела на меня, загадочно улыбаясь и слегка прищурив глаза. А глаза её – как будто два тоннеля, из глубины которых свет фар выносит целые эпохи. Она много помнила ещё из доисторической эпохи, когда я – как говорила мне мама в таких случаях – ещё птичкой летала. Там, в голодных тридцатых, а потом в полных лишения сороковых осталось её детство. Но она сейчас вспоминала о моём детстве, о моей юно-

сти – это была её молодость, наверное, незабываемые годы. Она любила наш дом, любила сидеть с нами за столом и обсуждать крамольные тогда темы об искусстве и свободе. Они часто спорили с папой: папа любил подтрунивать над ней, сводить её идеи к абсурду. Мы все смеялись. Мама прикрывала плотно дверь в коридор, чтобы соседи не слышали разговора, и учила меня с раннего детства: что говорится в доме за столом, нельзя повторять больше нигде и никогда!

Но кроме этого маминого запрета ничто не омрачало моё детство. Солнечный свет лился из огромных окон нашей коммунальной кухни. В лучах солнца часами нежился кот, которого я иногда мучила; была няня и были соседи – и все относились ко мне с уважением, кроме кота, конечно. Мы с мамой часто ездили в Елисейевский магазин или универмаг ДЛТ на Желябова и, несмотря на то, что и там и сям приходилось стоять в очередях, мне нравились эти поездки и нравился Невский проспект – его величественная каменная стена и грязно-блеклые, давно не отремонтированные фасады. Архитектурный пейзаж Невского проспекта, особенно в ненастные осенние дни, напоминал мне чёрно-белые иллюстрации к книжке Самуила Маршака «Мистер Твистер». И я понимала, что на земле таких городов мало, куда бы могло занести Мистера Твистера. Провожая взглядом из автобуса дома, облицованные серым гранитом, я представляла себе, какой бы дом захотел купить «мистер Твистер – бывший министр, владелец заводов, газет, пароходов», после то-

го, как он отказался жить в «Англетере», увидев там чернокожего гостя. Наш автобус сначала делал остановку у гранитного мавританского дома – задания касс Аэрофлота. Ни этот дом, ни угловой гранитный дом, как и любимый мною дом из серого гранита с большими окнами на другой стороне улицы, где располагалось ателье дамского трикотажа, называемое в народе «Смерть мужьям», не подходили. А вот на следующей остановке, в доме Мертенса, где на втором этаже был Дом моделей, мистериу Твистеру наверняка бы понравилось. Кроме мистера Твистера в голове у меня было полно всякой другой чепухи. К тому времени я уже коверкала два иностранных языка, освоила нотную грамоту и «концертировала» под аплодисменты, когда в наш дом приходили гости.

И вот тогда её принесло ко мне каким-то странным ветром, совсем как Мэри Поппинс. Естественно, я сразу же получила указкой по рукам и была низведена на класс ниже, то есть вместо Полонеза Огинского мне пришлось снова переигрывать нехитрые пьески типа «Жили у бабуси два весёлых гуся», чтобы почувствовать гармонию, научиться держать руки и растягивать кривоватые мизинцы, которые с трудом охватывали октаву. Я рыдала – до этого никто надо мной так не издевался. И когда мне, наконец, позволили играть этюды Черни, я колотила по клавишам в исступлении, стараясь попасть в такт метроному, чем оглушала интеллигентных и, в основном, сочувствовавших мне соседей.

Когда я подросла, образ Марии Израйлевны, как я её тогда называла, мне обычно представлялся выплывающим из осеннего тумана или снежной бури. Она всегда спешила, у неё было много забот: учёба в консерватории, преподавание в училище и частные уроки. Бывало, что мы вместе ходили в филармонию. Иногда она доставала билеты на «редкого» исполнителя. Я ждала этих концертов с нетерпением – в такие моменты она излучала особую энергию. Она одевалась просто, но и в одежде, и в причёске, и в нехитрых украшениях всегда присутствовала цветовая гармония, и этим она выделялась на фоне общей серо-чёрной массы. Мы встречались у входа, и я каждый раз боялась, что она опоздает. Она неизменно появлялась в последний момент и, поправляя растрепавшуюся копну пышных подкрашенных хной волос (наверное, у неё уже тогда была седина), подталкивала меня – скорей, скорей, ещё надо успеть в гардероб. Когда мы потом бежали вверх по лестнице, внутри у меня звучал большой оркестр, обязательно с барабанами и литаврами, и как будто дирижер взмахивал палочкой в такт нашим усилиям на марше лестницы.

Я тоже её изучаю: морщин у неё мало, щёки не провисли, а наоборот – кожа натянулась на широких выступающих скулах, и от этого она кажется моложе. Она называет много имен – это имена её родственников, учеников и просто знакомых. Время от времени меня это утомляет и я клюю

носом. Я не могу ни запомнить их, ни понять взаимосвязи между ними, даже не могу вспомнить большую часть её учеников, которых должна была знать по музыкальной школе – ведь прошло столько времени! Хотя некоторых помню, особенно тех, кто помогал ей при частых переездах с одной квартиры на другую. Сколько квартир она сменила в Ленинграде! И это с книгами и пианино. Мне интересно узнать, как она жила после того, как выучила меня и вскоре исчезла с моего горизонта, а потом внезапно уехала в Одессу навсегда.

В большой комнате на всех четырех стенах картины в старых рамах, конечно, репродукции. Из простенка между окон ко мне направляется знаменитая «Шоколадница» Лиотара. Когда Тамара утром приносит чай и мы садимся за стол, я всегда смотрю на шоколадницу. Она создает настроение. Откуда все эти репродукции? Хочется узнать историю каждой вещи. Но даже, когда я ничего не спрашиваю, меня заливают потоками её красноречия. И я стараюсь не задавать лишних вопросов, иначе мы не выйдем отсюда до зимы.

На боковых стенах пейзажи Левитана, а в уголках и над небольшими старинными столиками – картинки малого формата: акварели, рисунки, вышивки. И ещё одна, совершенно необычная картина, наверняка польского художника. Это я определяю моментально, и это действительно так. Открытый рояль, за роялем в полумраке квартет, и люди, сидящие в импровизированном партере, самозабвенно слушают музыку. Мужчина с острой бородкой вытянулся вперед,

положив руки на спинку переднего стула, словно ловит растворяющиеся в воздухе пассажи. Рядом женщина, опустив голову на вытянутые руки, тоже опирается на спинку стула, словно пытается вздохнуть после того, как заставила замедлить свое сердце, уносясь куда-то со звуками музыки.

– Ты поняла-а? – спрашивает Тамара, загадочно улыбаясь.

Меня внезапно осеняет, как будто подсказка приходит из её головы.

– Они слушают Шопена.

– Конечно, милочка! Это 2-ой концерт Фа минор, – радуется она и продолжает, – я не знаю, чья это картина и когда она была написана, ты должна помочь мне, узнай все, что сможешь.

Я обещаю. Для этого делаю фотографию картины. Но тот мой учитель, который смог бы найти ответ на этот вопрос, уже там – далеко. Может, он и слышит меня, но только я его не слышу. Вздыхаю и перевожу взгляд на акварельки.

Увидев, что акварельные пейзажи над столиком с её безделушками привлекли моё внимание, она рассказывает историю о студенте Академии художеств, который однажды встретил на Василевском острове высокую худую девушку в ярком платье и просил её стать его моделью, музой и возлюбленной. Конечно он, как и многие другие, получил отказ, но стал другом, и когда она в очередной раз уезжала в отпуск домой, подарил ей эти пейзажи.

Я узнаю её манеру складывать книги на стулья и вешать

одежду на спинки стульев и не могу оторваться от дорогих её сердцу предметов.

Я уже совсем осоловела, кутаюсь в свою домотканую простыню, но Тамара, видно, ещё не собирается отходить ко сну.

– Хотя мама меня не любила, – говорит она невозмутимо, – она считала нужным учить меня музыке с четырех лет...

Я вздрагиваю при этих словах, но сейчас мне не хочется выяснять, почему мама её не любила, и как вообще такое могло быть, хотя слышу это уже не в первый раз. Ещё в детстве я знала, что у Тамары была красавица-сестра, которая к тому же проявляла большие способности к математике, а она, Тамара, была не оправдавшим надежды ребёнком. И ещё тогда меня возмущала эта несправедливость. Потому что это она, со своей непримиримостью ко злу и тонким чувством к красоте, научила меня отделять семена от плевел. И когда она в очередной раз нарочито вставляет в рассказ о своей сестре, благополучно отбившей в Америку двадцать лет тому назад, фразу: «Ты понимаешь, я ведь не должна была родиться, это просто недоразумение», – я перевожу разговор на другую тему.

– Я раньше писала вам на улицу Воровского, и номер дома был другой.

– Сейчас, лапочка, всё объясню, – неожиданно легко переключается Тамара. – Конечно, у меня была большая квар-

тира, где мы раньше жили всей семьей, и кухня с окном, но я её поменяла по двум причинам. Во-первых, зачем мне такая большая квартира? И, во-вторых, – Оля. Но, впрочем, это не так важно. А историческое название улицы, на которой я живу, – Малая Арнаутская, и я рада, что она опять стала Малой Арнаутской.

Тамара поднимается из кресла и поворачивается к окну с широким подоконником, заваленным книгами, статуэтками, какими-то коробочками и сухими цветами. Поправляет не задернутую штору, и задумчиво произносит:

– Я вижу, лапка, ты уже совсем спишь. Спи, я тебе завтра всё расскажу.

Старый двор

Утром, досматривая сон, в котором фигурируют незнакомые персонажи из услышанных вчера рассказов, я чувствую, что Тамара уже на ногах, но глаза не открываю. Потому что в моем сознании происходит процесс, похожий на повторение урока перед школой, а именно: совершенно спокойно и в полной сосредоточенности систематизирую свои представления о Тамариных котах. Сначала был потрясающий кот Мурзя, который играл на фортепиано (хорошо, что Тамара не преподавала виолончель); у дома сидел кот Кузя, которому я должна дать витамины, чтобы он снова стал персом; и уже открыв глаза, я понимаю, что в настоящий момент на кухне происходит кормление кота Матроси, подкинутого за Тамарины грехи.

Она кормит кота курицей с геркулесом, как советовал ветеринар. И ничего другого ему не полагается. Матрося иногда капризничает, требуя разнообразить меню, поэтому она по обыкновению лично стоит рядом и, как только кот отрывает морду от недоеденной каши, начинает назидательно, но ласково, вещать о пользе такого питания. Кот вроде как морщится, но перечить не смеет, и завтрак продолжается. После принятия пищи Матрося издает несколько громких горловых звуков, совершенно непохожих на мяуканье, и с поднятым хвостом проносится по периметру комнаты к своему

стулу, покрытому накидкой, где он долго не задерживается, а обследовав местность вокруг, вылетает на лестницу через всегда приоткрытую кухонную дверь.

Мы так поздно легли, что я ещё немного повалялась бы в постели, но завтрак уже на столе, и мне приходится подниматься. Она пьет чай с бубликами, а для меня стоит миска творога, сметана и огромные ягоды чёрной смородины (как говорит Тамара, размером с вишню). Пока я думаю, как лучше смешать эти ингредиенты, она изучает меня, собираясь начать свой новый рассказ. Наконец, по её лицу я понимаю, что план утреннего рассказа готов, и на море я пойду позже, может даже значительно позже.

Немного приосанившись и набрав в легкие воздуха, она начинает.

– Тебе интересно, почему я переехала? Переехала я потому, что поменялась. Прежний дом стоял на углу Канатной. Перекресток стал очень шумным, и зачем мне эта их загазованность. Только здоровье портить.

– А Оля, кто такая Оля? Расскажите про неё, – спрашиваю с любопытством.

– Она из Прибалтики, – говорит Тамара с каменным лицом, – она сама меня нашла, и мы с ней несколько лет плодотворно работали. Она очень талантливый педагог; она хотела переехать в Одессу, потому что в Эстонии, где она жила, ей не давали творчески работать.

– Вы поменялись, чтобы купить ей квартиру?

– Ну да, я немного помогла, но ей все равно средств не хватило, залезла в долги. Квартиру она сдавала, а когда приехала – жила у меня. Я ни о чем не жалею, – произносит она, резко вскинув голову и уставившись на меня широко раскрытыми глазами, словно показывая, что разговор закончен. Но я продолжаю своё наступление.

– А где сейчас Оля?

– Наверное, в своей Прибалтике, – неохотно отвечает Тамара, как будто вопрос ей неприятен и, слегка прищурив глаза, вытягивает шею, словно хочет вдохнуть проплывающую мимо струю волшебного эфира и перенестись в свой дом на углу Канатной и Малой Арнаутской.

«Я любила наш старый дом, – говорит она, как будто продолжая прерванную мысль. – В нашем дворе было шестеро соседей. Гриша и Яшка с первых дней войны ушли на фронт. Весельчак Гриша так и не вернулся. А Яша прошел всю войну, он был большой умница: у него тогда уже было техническое образование, и он-таки дослужился до командира взвода. Он отличился при обороне Одессы.

Говорят, что евреи не сражались, – продолжает она задумчиво с грустной улыбкой и, резко меняя тон, добавляет, – ещё как сражались! А куда им было деваться, когда пришли немцы и убивали их семьи? Это действительно была битва не на жизнь, а на смерть. Немцы после себя не оставляли ни одного еврея.

А ещё, дорогуша, в нашем дворе жила одна женщина, она

была украинка или молдаванка. Её все звали Мадам Скарбон. Она была красива, не первой молодости, и очень следила за собой. Говорили, что она раньше пела, может даже в Одесском театре, но карьера певицы не сложилась, поэтому она иногда давала уроки музыки. Надо думать, что в то время мало кто мог платить деньги за уроки музыки.

По утрам кто только не заходил в наш двор: сначала молочница, потом булочник, мясник, продавец сладостей – мы покупали у него петушки на палочке, за ним сапожник, точильщик, лудильщик, который чинил старые кастрюли и чайники. Да ещё уйма всякого народу – не скучно было. Однажды летом у нас гостил кукольный театр. Кукольный театр ходил по дворам, а мы за ним – смотрели представление по пять раз в день. Мама давала деньги, и мы покупали леденцы или петушки.

И каждое утро эта женщина выходила на балкон в своём шелковом китайском халате и спускала со второго этажа в ведерке деньги, а молочница наливала ей свежей сметаны в крыночку, которая тоже была в ведерке, потом она точно так же брала бублики.

Муж мадам Скарбон, кажется, был румын, но он не жил здесь постоянно, а появлялся набегами. Поговаривали, что он был связан с контрабандой. А рядом во флигеле жила бедная девушка, которая убирала у певицы. Она была круглая сирота – мать её мы не знали, говорили, что она умерла давно, а отец допился до чёртиков и повесился. И в эту девушку

влюбился сын мясника тоже с Малой Арнаутской. Мясник не мог допустить, чтобы его единственный сын женился на нищей. А девушка была неплохая – скромная и воспитанная. Мадам научила её петь, а голосок у неё был просто ангельский. Скарбон уговорила мясника и приготовила бедной девушке приданое: отрезы на платья и украшения, которые ей самой были не нужны»

– Хорошая женщина? – спрашивает Тамара.

– Я думаю, что хорошая, – отвечаю неуверенно, подозревая подвох в её вопросе.

– Так вот, – продолжает она, делая шумный вздох, – во время войны, когда в город пришли немцы, эта женщина специально пригласила их разместиться в её большой квартире, они заняли ещё и другие квартиры – тех, кто уехал в эвакуацию, например, нашу. Она рассказала, в каких квартирах остались евреи. Немцы всех нашли и всех расстреляли прямо в доме. Хорошая женщина! Видишь, как бывает!.. Это жизнь...

– Но вы же были в эвакуации, может, совсем и не так все было, – пробую возразить. Но возражения не принимаются. Тамара насупила брови и приготовилась к бою.

– Так, милочка, именно так всё и было! Евреев жестоко расстреливали, а оборону Одессы держали те же евреи, спасая свои семьи от полного уничтожения немцами и румынами. Бои были жестокие, хорошо, что Черноморский флот вступился за Одессу, им командовал адмирал Жуков, вот

только имя его не помню, он потом возглавил оборону Одессы. На базе Одесского фронта был сформирован Южный Фронт, а потом Украинский. Я не могу вспомнить, кто командовал объединенным фронтом... ты, случайно, не помнишь?

Я случайно не помнила про войну и чувствовала неловкость за то, что не потрудилась хотя бы запомнить страницы из учебника истории, которые были страницами её жизни. Кроме того, что мы учили в школе, я в юности прочла несколько книг о войне, но с годами всё меньше и меньше интересовалась этой темой. Конечно, такие имена, как например, маршала Жукова и маршала Рокоссовского остались в памяти, но Тамара имела в виду другого Жукова – контр-адмирала. Она много знала про войну, помнила имена и даты, рассуждала о стратегии Сталина, оценивала его решения и даже цитировала, что писали в газетах в то время и что говорили люди. Эта тема её разволновала, она встала со своего кресла и, уставившись в неведомую даль, стала расхаживать по комнате. Она также складно излагала биографии политиков, как когда-то давала нам музыкальную литературу. Постепенно она дошла до Сталина. Сталин, в её понимании, был противоречивой фигурой, а Ленин, который отдал Донбасс, Харьков и Северное Причерноморье и которому было всё равно в какой стране делать революцию (главное – чужими руками), был последним негодяем, и, как она выражалась в подобных случаях: «его нужно было повесить

сразу при рождении».

Хотя я уже давно поняла, что Ленин был страшным злом, неизвестно за какие грехи посланным России, меня удивило такое дикое высказывание. Я смотрела на неё с вытаращенными глазами и думала: «Что это? – непримиримость идеалистки, или это приходит с возрастом, когда уже кажется, что ты знаешь, как всё должно быть устроено; когда беспокойная совесть порождает желание объяснить людям свое мировосприятие, а попросту – как правильно жить. А может и вправду «блаженны нищие духом», то есть, те, кто никуда не суётся и никого не осуждает, а принимает естественный ход событий».

После небольшой паузы она вдруг вспоминает, что ещё не всё рассказала о своём доме. Осталась ещё одна история. Она подходит к окну, немного медлит, поворачивается к зрителям (то есть к нам с котом, которого ей пришлось скинуть с колен) и медленно выходит как бы из глубины сцены. Лицо её спокойно, на губах застыла улыбка.

«Ты говоришь, тяжелая женская доля. А что ты знаешь про женскую долю! Про женскую долю знала твоя мать, которая прошла войну и потеряла многих своих близких. Потеряла своего первенца. А у вашего поколения не доля тяжелая – а сплошной пир во время чумы!

Помнишь, я тебе говорила про Яшу, который жил у нас во дворе. Так вот слушай! В военные годы Яшу наградили орденом, – произносит она, замедляя темп речи, словно взвешивая

вая в уме, как лучше преподнести мне эту историю. – У него была красавица жена, звали её Хана-Либа. Хана одевалась с очень большим вкусом, у неё был талант конструировать одежду, кроме того, она умела выбирать ткани и прекрасно шила. Я помню, как мой дядя шутил, когда мы приходили к ним в дом: «Сошьете мне трусы?» – спрашивал он. А Хана отвечала: «Только с двумя примерками». Яшка любил её больше всего на свете и ужасно ревновал. Он ведь рано лишился родителей.

В нашем доме ещё до революции жила семья его матери. Дед был портным старой закалки, он шил обмундирование для казаков и офицеров царской армии. Однажды он шил мундир для молодого есаула. Есаулу приглянулась дочь портного, и он стал захаживать в дом. Есаул был красавец, и девушка влюбилась в него. Прошло какое-то время, и они поняли, что жить друг без друга не могут. Как ни уговаривали девушку отказаться от есаула – она ни в какую. Тогда её стали запирают дома, но есаул похитил её, и родители смирились и дали благословение на их свадьбу. Потом родился Яшка. Это было как раз на стыке эпох, в революцию. Одесса долго не сдавалась большевикам – на Юге это был последний оплот царской армии, ну ещё Новороссийск, конечно. Кого здесь только не было: и Антанта, и Колчак, и красные, и зеленые, и всякий сброд. Город был полуразрушен, разграблен. Но, в конце концов, пришли красные и есаула забрали. Больше его никто не видел. Семья пережила голод и холод, уже

наступили тридцатые годы, и вдруг забрали Яшину мать. Её расстреляли, как жену врага народа. В семье об этом не говорили, а говорили, что она просто умерла от болезни. Яшин дед не выдержал и вскоре ушёл вслед за дочерью; мальчишка остался только с престарелой, разбитой горем бабушкой.

Пока Яша воевал, жена его, Хана, оставалась в Одессе, помогала евреям скрываться от фашистов. А Одесса ведь всегда была многонациональным городом: тут и поляки, и словенцы, и греки, и среди них тоже могли быть евреи. И через несколько лет после войны, точно так же как Яшину мать, однажды ночью пришли и забрали Хану. Её обвинили в шпионаже и оказании помощи иностранным агентам. Ты не помнишь, а я помню послевоенный террор и шпиономанию!»

– Грустная история, – говорю ей, а сама мечтаю выбраться из нашей прохладной комнаты в самое пекло, чтобы, дойдя до Лермонтовского переулка, повернуть к морю и в тени деревьев, медленно спускаясь по ступенькам, любоваться крутым берегом, не думая ни о какой войне. В нашей семье о войне не говорили, а скорее, многозначительно молчали, вспоминать любили только победу. А сталинский террор нашей семьи вообще не коснулся; наверное, все те, кто мог быть посажен, погибли ещё в войну. Но вдруг неожиданно для самой себя добавляю заключительный аккорд.

– Вы немного романтизируете евреев, в сталинскую эпоху пострадали очень многие, независимо от национальности.

Это только раззадоривает Тамару, к ней словно приходит

второе дыхание и, ехидно улыбаясь, она начинает новую тему.

– Мне вообще нравится, когда говорят, что Эйнштейн английский физик, а Ландау русский ученый. И что? Я тебя спрашиваю, и что?!

– Ну а чьи же они, по-вашему, раз они жили в этих странах? В глобальном смысле в России живут русские, в Испании – испанцы, а в Англии – англичане. И это никого не удивляет. Даже в Америке живет придуманная нация – американцы.

– Перестань болтать глупости! Все нормальные люди знают, что еврейский физик Ньютон, еврейские композиторы Бизе, Лист, Брамс, Барток, Дебюсси ... и многие другие. И Нострадамус еврей! Все это знают...

– Нет, не все! – кричу ей в ответ. – Я, например, не знала, что Нострадамус еврей, хотя про Брамса догадывалась. А про Ньютона мне все равно, он для меня не имеет национальности, он просто Ньютон, также как Эйнштейн – просто сумасшедший и гениальный Эйнштейн. Смешно сказать, что Закон всемирного тяготения принадлежит евреям, что, по-вашему, он на других существ не распространяется, или распространяется с дозволения раввина?

Тамару мои доводы несколько не трогают, она торжествует, раскачиваясь в кресле с гордо поднятой головой и снисходительной улыбкой на губах, что означает: один ноль в её пользу.

Я не сдаюсь и, собирая сумку на пляж, на ходу вспоминаю целую плеяду замечательных людей от Александра Невского и Суворова до Ломоносова и немки Екатерины Второй, потом бормочу про Льва Толстого и Вернадского – которые тоже не любознательности и славы ради, а ради земли Российской и всего человечества... Сама понимаю, что я просто отговариваюсь, но мне не нравится, когда она начинает расставлять акценты. Спорить не хочется, но и согласиться не могу.

Тамара так и сидит с гордо поднятой головой, делая вид, что не слышит меня. Она всегда была такая, я просто раньше не вела с ней подобные разговоры.

Пулей вылетаю на лестницу, где, споткнувшись о кота, сбежавшего из комнаты от нашего крика, и ящик с картошкой, ударяюсь в дверь, запертую на ключ (наверное, чтобы не украли велосипед). Услышав грохот, она, наконец, встает и, разглагольствуя о моей неловкости, а также о нежелании спросить по-человечески, как из этого дома-таки можно выбраться на улицу, то есть сначала во двор, а потом через запирающиеся ворота на Малую Арнаутскую, протискивается между мной и ящиками, чтобы открыть дверь огромным ключом. Я про себя его называю «ключ от собора».

На улице очень жарко, но, к счастью, до моря недалеко. Нужно пройти несколько домов, перейти трамвайную линию и вот уже Лермонтовский, который ведет к морю. Дальше сто двадцать ступенек, которые разделены на три секции терра-

сами и зелеными зонами, где находятся спортивные площадки, теннисные корты или шикарные коттеджи; как мне потом поясняет Тамара – виллы богатых людей, которые пусть себе знают, что это с рук им не сойдет.

Сейчас июль, народу на пляже много. Наконец окунаюсь в прохладную воду целиком, с моей перегретой от умственного напряжения головой. Но выйдя на берег, опять думаю о ней, высчитываю в уме, сколько ей лет. Если когда началась война, ей было больше десяти, то сейчас должно быть около восьмидесяти. Потом пытаюсь вспомнить, когда я видела её в последний раз. Она закончила консерваторию, когда ей было глубоко за тридцать, и долгое время преподавала в Петербурге, то есть, в тогдашнем Ленинграде. Потом уехала в Одессу, и однажды, когда я уже была замужем, она позволила мне по телефону и через час я уже встречала на пороге улыбающуюся женщину, одетую в яркое клетчатое пальто. Одной рукой она поправляла сбившуюся старомодную шляпку с пером, а в другой руке держала огромный торт из «Норда», то есть теперешнего магазина пирожных «Север».

После четырёх часов, когда кончается пекло, иду на поиски интернета, обязательно надо связаться с работодателями. На Малой Арнаутской недалеко от нашего дома кафе, где на стекле написано «WiFi», но уже второй день никто не может мне ничего прояснить.

– Да, – говорит официант, – вай-фай есть, а интернета

нету, может, в следующем году сделают. Вы покушайте наши пирожные – таких больше нигде в Одесе не найдете. А шо там, на стекле нашкарябали, то все ж пишут.

Всё ясно. Иду искать дальше, и от Канатной до Пушкинской обнаруживаю несколько однотипных интернет-кафе с плотно задернутыми шторами на окнах. На шторах красуется эмблема в виде щита и скрещенных шпаг. Там у них интернет точно есть, но каждый раз меня выставляют более или менее вежливо, объясняя, что никаких интернет-услуг они не предоставляют. Из прихожей я вижу компьютеры в следующей комнате; объясняю, что мне нужна связь, хотя бы на десять минут, можно по тройному тарифу. Но из глубины комнат каждый раз выходят люди, смотрят на меня как на фининспектора, потом переглядываются, как бы соображая, имею ли я отношение к фискальным органам или, может быть, к каким-либо иным структурам. Они так переглядываются, что как будто взвешивают: «бить или не бить»; обстановка в каждом последующем кафе всё больше и больше накаляется. В четвёртом кафе я, наконец, догадываюсь, что все эти интернет-кафе, являются клубами для карточных игр, и поскольку чаша весов уже перевешивает на предмет «бить», медленно пятась и извиняясь за причиненное беспокойство, спиной открываю дверь на улицу.

Возвращаюсь ни с чем, таща за спиной тяжелый ноутбук. Бреду по Малой Арнаутской. Четырехэтажных домов здесь не так уж много, в основном – двухэтажные, но попадаются

ся и одноэтажные. Улица очень широкая, как и многие другие улицы Одессы. По обе стороны дороги на газонах растут акации и платаны с гладкими пятнистыми стволами. Из-за того что платан теряет огромные куски коры, обнажая ствол, его называют «бесстыдница». Дома здесь, хотя и невысокие, но отличаются какой-то особой статью, которая может быть присуща только большим городам, где серьёзно потрудились знаменитые архитекторы. Даже одноэтажные дома строго и гармонично вписываются в городской пейзаж, машинально пытаюсь сравнить их с домами в других городах, где я бывала. Так, в размышлениях, дохожу до ворот.

Двор наш неширокий, но очень уютный, выложен плиткой, и посередине двора между плитками растёт дерево, кажется, персик. Под деревом сидит кот Кузя, шерсти на нем как на сильно поеденном молью старом пальто из кролика. Его хозяйка развешивает бельё на веревки, натянутые около её окон. Она производит впечатление приятной и вежливой женщины. Мы перекидываемся парой слов, но про витамины, которые я должна была отдать её мужу для Кузи, я не заикаюсь.

Мать Тамары

Моё общение с хозяйкой Кузи не осталось незамеченным. Тамара меня ждала и периодически посматривала в окно, ведь ключа от входной двери у меня нет. Она отварила молодой картофель и приготовила, как она говорит, мысочку салата из огурцов с помидорами.

– Ты отдала ему таблетки? – спрашивает она, когда мы уже заканчиваем трапезу.

– Кому ему? – недоумеваю.

– Когда ты разговаривала с этой отвратительной женщиной, там, рядом стоял мужчина, её муж Толя. Он тоже сначала, когда я сюда переехала, говорил со мной по-хамски, но что ты думаешь? Я своим упорством довела-таки его до вежливости. И теперь мы друзья, – улыбается она, довольная своей шуткой.

– Я никого не видела, может, вы имеете в виду человека, который прошел мимо в подъезд? Так он просто прошмыгнул. А эта женщина сказала мне, что она даёт витамины Кузе и что он облез от жары.

– И ты будешь слушать, что тебе говорит какая-то стерва! Я с котом разговариваю, а не со всякими стервозами, и я знаю, что ему дают и как ему дают! Кости куриные ему дают вместо витаминов, которые бедное животное даже разгрызть не может.

– Интересно, как вы разговариваете с котом? – ухмыляюсь я, не подумав о последствиях.

– Просто! Очень просто, если быть человечным, то и животные тебя понимают, и ты их понимаешь, для этого даже университетов кончать не нужно. Это просто жизнь! Вот слушай, что я тебе расскажу.

– Я бы хотела более подробно узнать про вашу Олю... – не успеваю я закончить фразу, как Тамара раздражается громом:

– Ты когда-нибудь научишься слушать! Сиди и молчи! И слушай.

Она устраивается в своем кресле. Её раздражение моей неучтивостью, а может быть упоминанием об Оле, проходит, как только она набирает в легкие воздух, чтобы начать свое повествование. Я знаю, что это не воздух, а какой-то особый эфир, который струится из окружающего её пространства, и в котором растворено её прошлое.

«Моей мечтой всегда было играть на фортепиано, – говорит она, как будто со сцены в зал. – У меня был абсолютный музыкальный слух, и мама, я уже тебе говорила, хотя и не любила меня, но считала необходимым учить меня музыке с четырех лет.

Я очень любила мать. Я её всегда спасала. В первый раз я её спасла, будучи ещё совсем маленькой, даже в школу не ходила. У мамы случилось кровотечение после аборта, сделанного на большом сроке. После войны абортывы были запрещены, а за незаконный аборт – была прямая дорога в тюрь-

му! Я пошла к врачу, который жил в нашем доме, конечно, он боялся даже зайти к нам. Он мне сказал, что это легочное кровотечение, но я знала, что это не от легких. И он мне объяснил что делать. Я сама пошла в аптеку, спросила нужное лекарство. Я сказала, что если не будет лекарства, моя мама умрет – и мне дали лекарство. Представляешь, как рисковал провизор? – дать ребёнку лекарство. Но ведь это Одесса! Понимаешь? – поднимает она на меня глаза, в которых застыли слезы. – Маму удалось спасти.

Мама была очень умной и интеллигентной, хотя не имела высшего образования. В начале двадцатых годов, когда разразился голод, бабушка и дед со своими тремя детьми приехали из деревни и поселились около Привоза, как и многие другие семьи в ту пору. Дедушке удалось найти работу на побегушках. Сначала они жили в какой-то каморке. Дед был исключительно трудолюбив, но что важно – он заработал себе такую репутацию, что люди не боялись доверять ему деньги или дорогие вещи. Благодаря своей честности, которая была непременной чертой всей нашей семьи, он стал быстро продвигаться на работе, и уже вскоре они стали снимать скромную квартирку у рынка. Бабушка для деревенской женщины была очень образованной, кроме того, она умела хорошо шить. Бабушка была из левитов – это колено от прародителей, считающихся потомками библейского Левия. Мама была очень красива, и мой будущий отец, который жил неподалеку, влюбился в неё, но она была ещё слишком

юная. Он ждал целых пять лет, чтобы сделать ей предложение. Он тоже был из небогатой семьи, может быть даже беднее нашей. Одесса до революции жила совсем неплохо, здесь было много богатых людей, ты видела, какие дома они построили! В двадцатые годы, когда коммерсанты и промышленники поняли, что наступают репрессии и можно потерять не только деньги, но и голову, они благополучно отбыли пароходом в Стамбул. Экономика падала, город нищал. Моя бабушка со стороны моего отца пристроилась кухаркой к одному из «главарей» – это были такие люди, которые подбирали все, что осталось после бегства буржуазии, они и власть над людьми прибирали к рукам, в общем – бандиты. Платой за дневную работу была одна тарелка сваренного ею блюда: супа или второго. Бабушка была настолько честной, что сама около этих кастрюль чуть не падала в обморок от голода. Но худо-бедно ей удалось выкормить своих детей, у неё их было четверо. Сама она умерла от истощения. Отец тоже был очень худой, у него с детства была язва желудка. После того, как они с мамой поженились и только начали благоустраиваться, большевики в тридцатые годы организовали новый кризис. В это тяжелое время я и появилась на свет. Примерно за год до моего рождения с отцом произошло большое несчастье: его нашли на работе лежащим без сознания, он был избит до полусмерти. Кто это сделал, и как это случилось – мы так никогда и не узнали. Я думаю, что выяснять было бесполезно, а может, даже и опасно. Ему сделали тре-

панацию черепа, состояние было тяжелым, и мама несколько дней и ночей не отходила от него. Естественно, что после такой травмы он не мог устроиться на хорошо оплачиваемую работу; а у мамы после моего рождения начались страшные головные боли, да к тому же и я родилась с множеством проблем. Семье пришлось пройти через голод и холод, не хватало денег то на еду, то на керосин для лампы. Как ты понимаешь, я была нежеланным ребёнком, который появился в самое трудное время. Я считаю, что деторождение нужно планировать, меня вообще не нужно было производить на свет, мое появление только раздражало всех. Вот сестра родилась вовремя – положение семьи к тому моменту уже выровнялось, и она была здоровой и весёлой. Но, тем не менее, когда мне исполнилось четыре года, родители продали кое-что, ещё заняли денег и купили мне прекрасное пианино. Я очень старалась, и уже с шести лет, когда меня отдали в школу, я участвовала в концертах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.